

ПРОЕКТ РОССИЯ

БОЛЬШАЯ ИДЕЯ

Проект Россия

Юрий Шалыганов

Проект Россия. Большая идея

«ЭКСМО»

2010

Шалыганов Ю. В.

Проект Россия. Большая идея / Ю. В. Шалыганов — «Эксмо»,
2010 — (Проект Россия)

Мы живем в сложную эпоху слома потребительской цивилизации. Государство как институт уходит с исторической арены. Куда качнется маятник Истории для России? Сотрут ли глобальные изменения нашу страну в порошок или вознесут на пьедестал как мирового духовного лидера? Что будет с Россией и другими странами нашей планеты, зависит от многих внешних факторов, а также от дееспособности институтов власти. Но в первую очередь все зависит от нас, людей. От нашей честности и равнодушия, дерзости в открытиях и понимания, что делать. Как применить свои таланты для спасения человечества? «Проект «Россия» адресован тем, у кого хватит духа замахнуться на создание не новой цивилизации и даже не нового человечества, а **НОВОГО БЫТИЯ**. Мы призываем к действию всех, кто находит верным призыв искать выход из ситуации и считает себя не рабом на галерах, а дерзким капитаном, открывающим Новый мир.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	12
ГЛАВА 5	14
ГЛАВА 6	16
ГЛАВА 7	18
ГЛАВА 8	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Проект «Россия»

Четвертая книга: Большая идея

Никому не удастся остаться в стороне. Потому что бездействуя, вы пособничаете врагу, даже если категорически не приемлете его и верите в Бога. Наступает момент истины. Какой эта истина будет Завтра, зависит от того, как вы поведете себя Сегодня.
(Проект Россия. Третья книга)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛИНЯНЫЕ НОГИ

*«Я вижу голую, пустую, сгоревшую Землю.
И по ней идет кучка людей, как тень.
Чтобы поправить будущее, надо поменять сознание людей».*

Ванга

ГЛАВА 1

Гусеница

Характерный признак жизни – стремление к благу. Самая простая клетка, оказавшись между благоприятной и неблагоприятной средой, будет стремиться в меру своих сил в сторону блага. Мертвая материя, в отличие от живой, ни к какому благу не стремится, все решает случай.

Человек – высшее проявление жизни, и потому его стремление к лучшему – самое сильное. Это стремление есть двигатель прогресса. Постоянное движение означает постоянное накопление новшеств. Когда количество достигает критической массы, включается закон перехода количества в качество. Возникает новое, в котором есть принципиально новые свойства, изначально не присутствовавшие. Это новое тоже не стоит на месте, оно тоже меняется, пока снова не накопится критическая масса новшеств.

Принцип перехода количества в качество хорошо замечен на изучении иностранного языка. Сначала запоминаешь первичную информацию, и когда она достигает критического объема, возникает переход на новый уровень. Ты уже не просто слова запоминаешь, ты мысли понимаешь.

Если нежнейший пух без остановки кидать в глубокую пропасть, пройдет время, и нижние пушинки окажутся под прессом верхних пушинок весом в миллионы тонн. Возникнут новые условия, которые превратят нижние пушинки во что-то принципиально иное. Нежность сменится гранитной прочностью.

Социальные процессы есть результат человеческой деятельности, то есть результат стремления к лучшему. Постоянное стремление означает постоянное накопление критической массы новшеств. Подобно гусенице, однажды общество совершает фазовый скачок: в пике своего развития окукливается, и на следующем этапе становится бабочкой.

С одной стороны, новая реальность порождена предыдущей. С другой стороны, она не похожа на нее в той же мере, в какой алмаз не похож на папоротник, из которого в свое время получился уголь, трансформировавшийся в алмаз.

С этой позиции смотрим на человеческое общество. Оно состоит из индивидов, по своей природе не способных не стремиться к благу. Ничто не стремится к благу с таким чудовищным упорством, как человек. Человек – самая прожигающая энергия и одновременно самое труднопроходимое препятствие. Покорить любую гору или реку – вопрос времени и усилий. Покорить народ зачастую невозможно никакими усилиями.

В своем стремлении к благу первобытный человек сделал из палки инструмент. С одной стороны, обычая палка. С другой стороны, палка-копалка. В ней появилась иная суть, какой нет в иных палках. Палка в руке – уже не палка, а плуг в зачаточном состоянии.

Примитивные инструменты совершенствовались (копили в себе новшества). Когда они достигли критического объема, начался переход количества в качество. Первобытный строй трансформировался в рабовладельческий.

Стремление к лучшему продолжалось. За счет уже имеющейся базы накопление следующей порции новшеств убыстрилось. Вскоре рабовладение трансформировалось в феодальную систему. Следующий шаг: феодализм преобразуется в капитализм. Но так как стремление к благу сохраняется, новшества растут. Однажды они снова скапливаются в критическую массу, и начинается новый фазовый скачок. И так бесконечно, пока жив человек, ибо он всегда будет стремиться к лучшему.

Мир сравним с живым организмом, упакованным в одежду, образуемую единой системой культурного, социального, политического и прочих укладов. На первом этапе развития одежда помогает организму – защищает его, согревает и прочее. На втором этапе организм перерастает старую одежду. Она становится тесной, трещит по швам и рвется. В рваной одежде организм вроде бы свободен в движениях, его ничто не сковывает. Но возникает неприемлемый дискомфорт: телу холодно и неудобно. Социальному телу (обществу) становится дискомфортно от анархии, возникающей при сломе предыдущего порядка.

Убегая от дискомфорта, организм шьет себе новую одежду, соответствующую новой форме и размеру. Но проходит время, и все повторяется: организм снова перерастает свою одежду и она снова трещит по швам и рвется. И опять период анархии/дискомфорта, после которого шьется новая одежда.

Весь этот процесс подробно и убедительно описан отчасти у Гегеля, отчасти у Маркса. Но, по непонятным для нас причинам, оба мыслителя вдруг перестали следовать собственным выводам. Ни с того ни с сего они сделали глупейшее заявление об остановке процесса – конце истории. Суть концепции: система по достижению определенного состояния прекратит развитие и застынет. Гегель видел концом истории модель прусской монархии, Маркс – коммунизм. Круг станет таким идеально круглым, что круглее некуда. На этом человеческая история остановится.

Мыслители каждой эпохи склонны понимать время, в котором живут, концом развития. Люди считают, мол, раньше развитие несло системе принципиальные изменения, а вот в наше время такого не будет. Подобное мнение о конце истории не просто беспочвенно, оно внутренне противоречиво.

Чтобы наступил конец истории, новшества должны перестать копиться. Для этого человек должен прекратить стремиться к благу. Людям должно стать все равно, куда выходить – в окно или дверь. Но поскольку это нереально, то и накопление не может остановиться. Оно может идти медленно, зигзагообразно и хаотично, но не может не идти.

Пока есть жизнь, рыба ищет где глубже, человек – где лучше, что означает постоянное развитие и изменение. Следовательно, пока есть живой человек, у человеческой истории не может быть конца даже в теории.

Еще большая глупость: люди признают развитие, образно говоря, вширь, но не ввысь. С одной стороны, мыслители утверждают – развитие продолжится. С другой стороны, – новшества чудесным образом не скопятся в критическую массу. Просто будут прибавляться, но

масса никогда не достигнет критического порога, за которым последует фазовый переход. Это примерно как гусеница будет постоянно расти, оставаясь гусеницей, похожей на питона, но не превратится в бабочку.

Единственное объяснение такому странному утверждению: люди не могут выйти за пределы своей эпохи. В эпоху деревянных кораблей фантасты не могли помыслить железные корабли. Это противоречило здравому смыслу. Как можно... железо не плавает... Подобные установки не позволяли даже мечтать в этом направлении. Фантасты прошлого рисовали в будущем те же деревянные корабли, но большего размера. Или воздушные корабли с пропеллерами на мачтах. За формы своей эпохи они не могли выйти даже в фантазиях.

Мыслители в первую очередь люди и потому мыслят в рамках своей эпохи. Если бы закон перехода количества в качество был открыт в эпоху рабовладения, мыслители того времени назначили бы «концом истории» рабовладение. Они бы сказали – система перешла из первобытного хаотичного состояния в новое идеальное и гармоничное, где теперь будет пребывать вечно, совершенствуясь вширь, но не меняясь принципиально, вглубь.

Гегель и Маркс, при всей глобальности и гениальности, мыслили в рамках «деревянных кораблей». Но если даже представить: Маркса осенило, он увидел, в будущем появятся компьютеры, несущие миру такие изменения, каких даже сегодня толком помыслить нельзя... Маркс пришел бы в смятение.

Попытайся он объяснить современникам свое прозрение, его бы не мыслителем посчитали, а сумасшедшим бородачом, говорящим о непонятных фантастических вещах, не имеющих основания ни в религии, ни в науке того времени.

Чтобы увидеть будущее, нужно выйти за привычные шаблоны, то есть стать выше своей эпохи на две головы. Но есть проблема: кто выше на две головы, того никто из современников не услышит. Большинство способно принять мысль при условии, что она на полголовы превышает привычные установки. Достаточно много людей может понять мысль, на голову превосходящую привычное. Они найдут ее гениальной (но для большинства она будет безумной). Единицы способны увидеть мысль, которая выше эпохи на две головы. Они кажутся сумасшедшими, но именно они задают направление.

ГЛАВА 2

Крик

Несложно заметить: чем более развита эпоха, тем жестче переход на другой уровень. Мы живем в самую развитую эпоху. Следовательно, переход будет самым кровавым за всю историю. Нет оснований утверждать, что все как-нибудь обойдется. Напротив, есть причины полагать обратное. Опираясь историческими мерками, «Титаник» по имени «человечество» от смерти отделяют даже не секунды, а мгновения. Далее слом, хаос и кровавая баня.

Сегодня мир застыл в ожидании второй волны экономического кризиса. Никто на планете не понимает природы происходящего. Мы наблюдаем видимое проявление невидимой болезни. На форуме в Давосе мировые светила экономики заявили – корни кризиса лежат за границами экономики и носят не экономический характер.

Но что представляют собой эти причины? Никто не знает. Но тогда получается, нельзя назначить правильное «лечение». Не факт, что благие намерения, заставляющие «лечить» как умеем, большее благо, чем отказ от лечения и исследование причины.

Когда не были известны причины чумы, люди, движимые благими намерениями, как могли, помогали больным, ухаживали за ними, утешали. Но заодно сами становились разносчиками болезни. Современные правители действуют методом тыка с обоснованием: «Чего тут думать, прыгать надо». Нет слов, метод проверенный, но практика показывает: многие больные не доживут до того дня, когда будет найдено верное решение. Чума целые государства выкашивала. А нынешний кризис страшнее чумы.

Ситуация усложняется, если вы в одной палате с больным, который кричит от боли. Не обращать внимания на крик не получится. Будь он в другом месте, можно было бы не думать о его проблемах, как никто не думает голодающих в Африке. Но так как больной кричит не в Африке, а у вас над ухом, жить в такой атмосфере и не реагировать на нее невозможно.

Единственный выход – колоть обезболивающее. Пока больной затих, врачи должны лихорадочно искать причину болезни. Параллельно соображать, что делать в период поиска. Например, что говорить людям. Сказать – болезнь неизвестная, значит вызвать панику. Сказать – все понятно, умники попросят объяснить и доказать, что понятно. И тут же выведут на чистую воду. Поэтому самым верным посчитали говорить: мол, лекарство найдено (выдавая обезболивающее за лекарство) и больной идет на поправку (выдавая забытие за признаки выздоровления), но от деталей уходить.

Аналогия с неизвестной болезнью очень точно передает состояние мировой системы. Все думающие люди в курсе: система болеет, но не понимают причин. Что раньше помогало, теперь не работает. Больной «кричит»: то есть социальное напряжение растет, показатели экономики падают. «Врачам» ничего не остается кроме как давать ему обезболивающее. Все большую и большую дозу.

Муки «тела» снимаются включением печатного станка (экономику в прямом смысле заливают деньгами) и комплексом частных решений типа активации потребительской активности внутри страны, увеличения пенсионного возраста, свертывания социальных программ и прочее. Печатающие денежную массу приносят некоторое облегчение и в итоге иллюзию выздоровления. Люди искреннее радуются: «Ура, кризис миновал!», в то время как он еще и не начинался. Он только зреет в недрах системы. Слышно напряженное пульсирование переросшего одеяла «тела». Скоро «ткань» начнет рваться.

Муки души снимают информационным обезболивающим – технологией, известной как «козел скотобойни». Ее суть: животные, отобранные для забоя, чувствуют смерть и волнуются, что затрудняет забой. Чтобы их успокоить, к ним запускают козла. Он давно живет на скотобойне, его хорошо кормят и он не боится. При виде козла приготовленные для забоя овцы и

коровы успокаиваются. Козел как бы излучает флюиды спокойствия. Он словно говорит своим поведением, мол, ничего страшного, видите, я живой, здоровый и сытый. Все хорошо. Животные успокаиваются, и козел становится духовным лидером.

Второй акт трагедии: он ведет за собой успокоившихся овец с коровами в забойный цех. На следующий день козел встречает новую партию овец, которых снова успокаивает.

СМИ – «козел скотобойни». Их задача – успокоить общество, отвлечь внимание от главной проблемы, перевести его на вторичные вещи типа кто у кого в футбол выиграл, где какой пожар с землетрясением случился и прочее. Обыватели ведут себя как овцы на скотобойне при виде козла. Они успокаиваются и идут за «козлом» на забой души и тела.

Мы не пытаемся унижить или оскорбить средства массовой информации. Мы говорим факты: оптимистичные утверждения СМИ о конце кризиса предназначены для успокоения людей и ни для чего больше. Потому что правда о кризисе разрушительна. Она спровоцирует панику, что ускорит крах и без того хрупкой конструкции. В такой ситуации оптимально держать людей в неведении относительно будущего. Для этого существует технология «козла скотобойни».

Эта мера в совокупности с работающим на полную мощность денежным печатным станком дает эффект обезболивания и иллюзию здоровья. Но болезнь прогрессирует. Для глушения симптомов требуется количественное и качественное увеличение дозы. Легкие препараты сменяются тяжелыми. «Врачам» понятно: наращивание дозировки не может быть вечным. Однажды общество примет смертельную дозу.

Когда денежная масса превысит предельно допустимый объем, а дезинформация будет прямо противоречить очевидной реальности, произойдет возмущение системы. Далее каждый в меру своей фантазии и знаний может нарисовать грядущий хаос. Только можно не стараться – действительность превзойдет самые жуткие прогнозы.

ГЛАВА 3

Вероятность

Чем выше вероятность наступления события, тем больше человек принимает его во внимание. И наоборот: чем вероятность ниже, тем больше она игнорируется. После определенного минимума вероятность события считается для практики нулевой. Теоретически завтра вам на голову может упасть кирпич. Но вероятность этого события такова, что в практических расчетах вы не принимаете ее во внимание. А рабочий на стройке не может игнорировать и потому носит каску.

Швейцария не участвовала во Второй мировой войне, но вероятность нападения на нее была такой, что ее нельзя было игнорировать. Страна создала линию обороны. Сегодня туристы могут посмотреть на вырубленные в скалах лабиринты, походить по длинным запутанным многокилометровым тоннелям, увидеть пушки, которые так ни разу и не выстрелили.

Человек принимает решение, если считает наступление события реальным. Если пассажиры узнают, что вероятность падения самолета составляет 10 %, – самолет полетит пустым. Если будет известно, что вероятность аварии составляет 0,0001 %, – люди проигнорируют ее.

Если процент мал, его можно не принимать во внимание и заниматься текущими делами. Если большой, имеет смысл его учесть. Кто и как учтет эту вероятность в своих действиях, зависит от личных качеств и ситуации. Одни попросту проигнорируют. Другие будут иметь в виду. Третьи поставят тему во главу угла. Но при этом все может быть, чудо в том числе.

Вероятность катастрофы может быть 90 % и не состояться, благодаря счастливой череде событий. И наоборот, вероятность в 1 % может реализоваться на полную катушку из-за непредсказуемой случайности. Если катастрофа разразится, выиграют те, кто к ней готовился (например, мы). Если не разразится, выиграют те, кто ее игнорировал и, пользуясь случаем, скупал по дешевке традиционные «финансовые консервы» – недвижимость, золото, искусство.

Мир находится в положении раскачавшегося до максимума маятника, застывшего в верхней точке, в положении стрелки «12». Куда маятник свалится в следующий миг, предсказать трудно. От малейшего дуновения он может свалиться как налево, так и направо. Власть застыла в ожидании. Куда качнется маятник? Налево – и все полетит в тартарары? Или направо – и все в общих чертах восстановится, и еще простоит лет 20–30?

Насколько вероятно крушение системы в ближайшие пять лет (максимум десять)? Мы считаем, она так велика, что ее нельзя игнорировать. По оптимистичным прогнозам вероятность катастрофы не менее 20 %, по пессимистичным – более 90 %. Возможно, она начнется, когда нас уже не будет. Но есть такой же шанс, что гигантское ускорение событий начнется в ближайшие год-два. Все может быть, и каждый сам примет для себя решение, исходя из своего видения степени вероятности катастрофы.

Пока еще человечество смотрит на надвигающуюся гигантскую черную стену разрушительной стихии, природа которой никому на планете непонятна. Она уже показалась на горизонте, но ее последствий практически никто из ключевых политических фигур не осознает, надеясь уладить ситуацию правильными указами. По борьбе с коррупцией, например.

Отдыхавшие в юго-восточной Азии туристы в 2004 году смотрели на приближающуюся со стороны океана гигантскую волну и не понимали своего будущего. Или не хотели понимать. Или не было времени это делать (отдых важнее). Кто понимал, надеялся укрыться и потом помародерствовать.

Большинство вообще ни о чем не думали, поглощенные текущими делами. Волна смыла всех. Выжили те, кто был в океане. Стена воды прокатилась под ними гигантским бугром, но за счет массы океана они ее даже не заметили. Еще остались в живых те, кто спешно эвакуировались. Больше – никто, включая тех, кто надеялся отсидеться в подвале своего дома.

Политика «отсидеться» в преддверии катастрофы неприемлема. Лучше действовать: пусть из рук вон плохо, но что-то делать, а не сидеть и ждать, когда тебя накроет волна бедствия.

Когда лягушка болтала лапками в кувшине с молоком, она не знала, что из жидкого молока может взбиться твердое масло. Она просто болтала лапками, практически не имея шансов что-то получить от этих, бессмысленных на первый взгляд, движений.

Неистребимая тяга к жизни создала чудо: лягушка взболтала уплотнение, от которого оттолкнулась. Ловушка, откуда не было выхода, открылась благодаря упорству и желанию выжить.

ГЛАВА 4

Признаки

СССР был сильнее, чем нынешняя Российская Федерация, по всем позициям. Советская Армия, КГБ и МВД состояли из более прочного человеческого материала, чем теперешние армия, ФСБ и МВД, коррумпированные до самых глубин. И все равно такая сильная система рухнула.

Сегодня общественно-государственная система несравненно слабее и подвергается более сильным ударам. Если в 1991 году ключевые фигуры, замыкающие на себя систему, не выдержали давления, как можно надеяться, что сегодняшние устоят? При первом же намеке на большие проблемы их ветром сдует на «запасные аэродромы». И не потому, что они предатели или еще какие-то неприятные личности, а потому что человеку свойственно делать логичные мотивированные поступки. Кто сегодня может честно ответить себе на вопрос, какая мотивация защищать плеяду далеких и чуждых обществу людей, которые говорят одно, делают другое, думают третье? Нет мотивации. Поэтому в действие вступает логическое реагирование на ситуацию.

Из каких соображений систему, где вор на воре сидит и никто, в том числе и честные люди, не имеют иной цели, кроме как устроить свое благо и потешить тщеславие, можно считать более прочной конструкцией, чем прежние? Если кто считает, такие основания есть, любопытно послушать логику, а не отмахивание рукой, типа я и думать об этом не хочу, знаю, выстоит, потому что... иного не представляю. Замечательно, желание похвальное. Но одного желания маловато будет.

Косвенные признаки указывают на приближение краха. Во все времена эти признаки одни и те же. Перед катастрофой власть всегда теряет уважение. Исключений нет. Что происходит сегодня? Только ленивый не ругает власть, не высмеивает ее, не рисует в карикатурном виде. А власть как система в целом молчит (типа, кот Васька слушает да ест). Отдельные представители пытаются что-то возражать и как-то оправдываться, но неуклюже.

Чтобы лучше понять значение этого признака, представьте армию, где генералы воруют, а солдаты высмеивают их и поругивают. Генералы же только супят, тупят взгляд... и продолжают растаскивать имущество, торговать оружием и так далее и тому подобное. Как вы думаете, велика боеспособность такой армии? И не развалится ли она при первом потрясении?

Или представьте религию, где верующие высмеивают священство, обвиняя его в нарушении заповедей и вообще во всех грехах. Вообразите: люди про верховных жрецов рассказывают анекдоты, а те только сокрушенно охают да бормочут о своей слабости. Велик ли будет авторитет такой религии? И не исчезнет ли она со смертью пожилых людей, для которых религиозный культ стал своего рода традицией?

Колоссальное падение авторитета власти сопровождается сопутствующими факторами. Исчезают принципы. Попираются законы. Падают нравы. Вымываются традиции. Нет общей цели. Появляются новые болезни. Умножаются стихийные бедствия. Чувственные удовольствия и бытовая сытость считаются высшим счастьем и главным ориентиром по жизни. Казнокрадство и коррупция достигают невиданных размеров. Меняется отношение к порокам. Теперь это уже не пороки, а свободы, права, откаты и политес. Не то же самое фиксировали в период падения Римской империи?

«Когда трудом и справедливостью возросло государство, когда были укрощены войною великие цари, смирились пред силой оружия и дикие племена, и могущественные народы, исчез с лица земли Карфаген, соперник Римской державы, и все моря, все земли, открывались перед нами, все перевернулось вверх дном. Те, кто с легкостью переносил лишения, опасности,

трудности, – непосильным бременем оказались для них досуг и богатство, в иных обстоятельствах желанные.

Сперва развилась жажда денег, за нею – жажда власти, и обе стали как бы общим корнем всех бедствий. Действительно, корыстолюбие сгубило верность, честность и остальные добрые качества; вместо них оно выучило высокомерию и жестокости, выучило презирать богов и все полагать продажным. Честолюбие многих сделало лжецами, заставило в сердце таить одно, вслух же говорить другое, дружбу и вражду оценивать не по сути вещей, но в согласии с выгодой, о пристойной наружности заботиться больше, чем о внутреннем достоинстве.

Начиналось все с малого, иногда встречало отпор, но затем зараза расплодилось, точно чума. Народ переменялся в целом, и римская власть из самой справедливой превратилась в жестокую и нестерпимую... И все принялись грабить: кто хочет чужой дом, кто поле, победители не знают ни меры, ни совести и чинят гнусные жестокости над согражданами.

С той поры как богатство стало вызывать почтение, как спутниками его сделались слава, власть, могущество, с этой самой поры и начала вянуть доблесть, бедность стала считаться позором и бескорыстие – недоброжелательством. Итак, по вине богатства на юность напали роскошь и алчность, а с ними и наглость: хватают, расточают, свое не ставят ни во что, жаждут чужого, стыд и скромность, человеческое и божественное – все им нипочем, их ничто не остановит!..

Не в меньшей мере владела ими и страсть к распутству, обжорству и прочим излишествах. Мужчины отдавались, как женщины, женщины торговали своим целомудрием. В поисках лакомой еды обшарили все моря и земли. Спали, не испытывая нужды во сне. Не дожидаясь ни голода, ни жажды, ни стужи, ни утомления, всякая потребность упреждалась заранее – роскошью. Это толкало молодежь на преступления, когда имущество истощалось» (Гай Крисп, римский историк).

Сегодня все эти пороки наблюдаются в полной мере. Кто говорит «не вижу», подобен лицемеру, отворачивающемуся от очевидного. *«Вечером вы говорите: будет вёдро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете»* (Мф. 16, 2–3). Кто смеет утверждать, что эти косвенные признаки означают очередную ступень развития, тот просто неумен. С таким же успехом разложение можно назвать развитием. Лохам не говорят: «Курс ценных бумаг падает». Им говорят: «Наблюдается отрицательный рост». Чувствуете разницу? Аналогично совершается подмена терминов по всем фронтам. Если переделать события прошлого на современный лад, нападение Гитлера на СССР звучало бы так: «Миротворческие войска Гитлера введены на территорию СССР с целью освобождения народов СССР от тирании и установления демократии. Затем миротворческие войска Сталина были введены в Европу примерно с той же целью».

Но допустим, косвенных признаков для фиксации реальности недостаточно. Кто родился в дерьме и провел там всю сознательную жизнь, для того характерные запахи, консистенция и прочие признаки говна не являются показателями плохого. Принюхались. Но логика однозначно свидетельствует: эпоха близится к концу. «Гусеница» скоро начнет окукливаться, что означает ломку всех ключевых узлов и принципов. Потом, может быть, из «куколки» грядущего хаоса появится бабочка. Но это потом. Сейчас мы на пороге слома, которого не знала история человечества. При малейшем потрясении «карточный домик» развалится так стремительно, что никто даже не успеет толком ничего понять.

ГЛАВА 5

Автопилот

Система уверенно превращается в театр абсурда. Чтобы поймать образ, представьте огромный самолет, летящий на автопилоте. Внутри своя жизнь. Никто из находящихся в салоне толком не понимает: как самолет летит, куда летит и зачем, на чем построен принцип движения, как им управлять и прочее.

Пока атмосфера относительно стабильная, между пассажирами разворачивается драка за лучшие места. Самым удачливым борцам подкововерного жанра достается кабина пилота. Они теперь имеют хорошее питание, удобные места, индивидуальное обслуживание и прочее. Гордо носят форму пилотов и пользуются уважением завидующих им пассажиров. Многие про себя думают: «Я бы тоже смог быть летчиком», понимая под этим не способность управлять летательным аппаратом, а способность пользоваться повышенным комфортом и носить форму.

Но вот самолет входит в зону турбулентности. Автопилот ориентирован на штатную ситуацию, а самолету требуется ручное управление. Но что такое управление? Об этом «летчики» понятия не имеют и, по понятным причинам, не спешат признаться в своем невежестве пассажирам.

Но чем сильнее трясет самолет, тем хуже получается скрыть эту новость. Вскоре до людей, сидящих в салоне, доходит: процесс никто не контролирует. «Летчики» – в лучшем случае специалисты частность разрулить, когда пассажиры что-то не поделили, назначить дежурных по секторам салона, чтобы порядок поддерживали и прочее. О фундаментальных процессах, обеспечивающих полет многотонной машины в воздухе, у них малейшего понятия нет. В основном это обыватели, наслаждающиеся положением родственника правителя. Управлять целым они не то что не хотят или уклоняются, просто масштаб для них великоват. Точно так же, как начальник с продовольственного склада армии не имеет понятия об управлении армией. Для него армия – абстракция. А вот ключи от склада – сытенькая реальность.

Представьте настраивание «летчиков». Перед ними огромный пульт. Они понимают: нужно что-то делать. Но что? До этого все шло как-то само собой: текущая внешняя и внутренняя политика, экономика, популизм, карикатурная оппозиция... В общем, все как обычно. Но теперь, когда все изменилось, что делать? Снова бла-бла-бла? Самые дремучие продукты системы видят – разглагольствование практически и абсолютно не работает.

На данный момент США, Россия, Германия, Англия, Франция, Украина и т. д. представляют собой такой самолет. Система вошла в последнюю стадию разложения. Многие осознают: катастрофы не избежать хотя бы потому, что нет понимания ее корней и, соответственно, нет понятия, как лечить. Можно попробовать оттянуть финал. А смысл?..

Макиавелли говорил, войну можно отсрочить, но нельзя ее избежать. Отсрочка не решает проблемы, а напротив, усугубляет. Она укрепляет противника, что увеличивает кровопролитие. Аналогично при крушении модели: чем больше оттягивать, тем сильнее будет взрыв. Здесь как с паровым котлом, в котором заклинило клапаны. Чем дольше его нагревать, тем сильнее в итоге он взорвется.

Конечно, во власти есть люди, способные критически мыслить и оценивать ситуацию. Они понимают реальность и констатируют: современная власть являет собой средоточие сереньких средненьких людей числом около тысячи, ничем не отличающихся от тех 140 миллионов человек, которыми они «управляют».

Разница в том, что у этой тысячи «сереньких» судьба так сложилась, что они оказались во власти. Хотя с тем же успехом могли оказаться офисным планктоном. *«И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым –*

хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их» (Эккл. 9, 11).

У этих людей нет иллюзий относительно того, что система при более-менее серьезном потрясении развалится как песчаный замок, выстроенный в песочнице, если на него наступить ботинком. «Большая империя, как и большой пирог, начинает крошиться с краев» (Б. Франклин).

ГЛАВА 6

Сроки

Косвенные признаки указывают – времени мало. Коллапс может накрыть мир в целом и нашу страну в частности в любую минуту. Прокатившаяся по планете волна экономического кризиса и социальных беспорядков – лишь слабое предупреждение.

Человечество похоже на гусеницу, с которой творится непонятное. На самом деле все просто: гусеница не заболела, она входит в стадию окукливания. Сохранить ее в «гусеничном» формате нельзя. Пришло время превратиться в бабочку. Мировая система входит в период глобальных изменений. Грядет трансформация всех ключевых узлов системы, то есть гигантская ломка.

По своим последствиям она сравнима с эпохой Ноя. Тогда среда обитания кардинальным образом изменилась – твердое стало жидким (суша стала морем). Сейчас мы на пороге еще более глобального перехода. Вопрос не в том, как избежать проблем (это невозможно), а в том, как пережить их с наименьшими потерями.

Грядущая реальность превзойдет фантастику. Сознание отказывается ее принять по той же причине, по какой сознание папуаса отказывается серьезно думать о летающих «железных птицах»: этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Уверенность современных людей зиждется не на серьезных расчетах, а на желании верить в неизменное улучшение мира. Принципиально она не отличается от уверенности допотопных людей. Сегодня большинство пьет, ест, веселится и старается не обременять голову размышлениями точно так же, как это было тысячи лет назад. Люди живут привычной жизнью и не слышат (или не хотят слышать) штормовых предупреждений.

Так происходит не от глупости, а в силу человеческих качеств. Нам свойственно думать: завтра будет немного лучше, чем сегодня, потому что сегодня чуть-чуть лучше, чем вчера. Люди уверены в этой истине, и потому, как дети, смеются над всяким, кто указывает на признаки подступающего ужаса. Когда самое страшное впереди, большинству свойственно свято верить, что все самое плохое позади.

Чтобы уловить надвигающийся кошмар, представьте неопытных туристов, забредших в болото. Они еще не понимают, куда пришли, поскольку за разговорами и анекдотами не обращали внимания на колышущуюся под ногами почву. Они бодро шагали, не глядя под ноги. По мере продвижения почва становилась более зыбкой. В какой-то момент до них дошло: под ногами бездна. Яркий солнечный мир отделен от черной бездны тонким травяным ковром. Если он порвется, болото всех поглотит.

Через секунду после прозрения туристы встанут на колени. Через две секунды – на живот лягут. И там, где еще минуту назад шли уверенным шагом, – будут ползти. Цари природы в мгновение ока превратятся в жалких дрожащих тварей, придавленных инстинктом жизни к болоту. Их тела будут улавливать шевеление черной жидкой бездны-массы. Но настоящий страх появится, когда до людей дойдет, что они не понимают, в какую сторону ползти. Настоящий ужас накроет с головой, когда в бездну провалятся первые жертвы.

Мы живем в эпоху переходного периода. За относительно короткое время прорисуются контуры новой ситуации. Напряжение системы будет энергично нарастать. Число людей, вопрошающих «что делать», будет увеличиваться. Все ждут простого ответа на вопрос. Не шаблонных суждений, пригодных в стандартной ситуации. Не сожалений о «добром старом времени». Не благоглупостей и прочих банальностей, заимствованных из фильмов про революцию. Люди ищут конкретного ответа на вопрос. Причем, в первую очередь ждут от власти. Вместо ответа имеют набор общих слов и «конкретных» планов типа нанять нового футбольного тренера и дождаться повышения цены на нефть.

Печальна участь сырьевых стран типа России, целиком зависящих от нефтяной иглы. Но судьба Запада, особенно США, еще печальнее. Если мы сидим на нефтяной игле, позволяющей ничего не делать, только нефть продавать, США сидят на финансовой игле, позволяющей тоже ничего не делать, только деньги печатать, на которые по всему миру покупать необходимое.

И нефтяная, и финансовая иглы приятны, пока работает система. Но стоит ей начать разваливаться, как «наркоманы» испытывают жесточайшую ломку. Россия в этом смысле менее наркозависимая, чем Запад. Нефтяная игла по сравнению с финансовой – это как алкоголь по сравнению с героином. Кайфа от героина больше. Америка долго «кайфует» на финансовой игле, но похмелье ее будет тяжелое, если не сказать смертельное.

Вопрос времени, когда страны, включенные в мировую систему, начнет «ломать». Нет сомнений, это обязательно случится. Возникнет нештатная ситуация. И тогда легитимность власти определится не умением решать частности, и уж тем более не родственностью ключевых фигур, а способностью ответить на большой вопрос. Для этого нужно понимание. Но так как понимания нет, ответа не может быть. Вместо этого сварганят муляжи ответов – лозунги, стенания или научно-философскую заумь. За многословием зубодробительной наукообразности и протокольных речей будет сокрыта не только пустота, но и неуверенность.

Движение в границах прошлого невозможно. У нас два варианта. Первый: погружаемся в суть вещей и организуем новый тип силы, никаким боком не похожий на все существующие (хотя тактические уступки возможны, но они временны). Второй: пытаемся из букв «ж»; «о»; «п», «а» сложить слово «счастье».

Второй путь выглядит тупиковым. Мы выбираем первый путь. Это означает формирование нового типа команды, готовой взять на себя бремя власти в условиях безвластия и обрушения системы для строительства принципиально новой системы.

ГЛАВА 7

Случайные

Люди, случайно получившие власть, своими действиями недвусмысленно говорят о полном непонимании происходящего. Даже в относительно стабильной ситуации они испытывают подсознательную неуверенность. Это проявляется в отсутствии тонких решений. Такой правитель не понимает, как создать систему, которая в целом могла бы сама себя контролировать, а он только осторожно, без резких движений, поправляет бы ее работу.

Непонимание выливается в приоритет простых, прямых и грубых действий в стиле «заставить», «запретить» и «не пущать». Человеку кажется, если очень строго сказать (и указ соответствующий выпустить), детали, образующие систему, начнут совершать не свойственные их природе действия. Например, люди с установкой брать от жизни все, услышав крик начальника, вдруг начнут думать не как взять у общества, а как дать.

Хозяин ослика может забить животное палкой насмерть, понуждая нести непосильный груз. Но ослик при всем желании не прыгнет выше головы. Если хозяин продолжит упорствовать, по итогу и груз останется на месте, и ослика не будет.

Силовой стиль управления, под коим мы понимаем любое управление в ручном режиме, в критической ситуации бывает иногда единственным выходом. Но если этот стиль становится нормой, очень скоро возникает система, где правитель должен лично заниматься всем. Прикол в том, что ничего подобного правитель создавать не хотел. Напротив, он хотел создать абсолютно другое – гармоничную систему, для работы которой не требуется стоять над ней с палкой. Но получилось то, что получилось.

Чем дольше практикуется ручной режим, тем большая нагрузка ложится на одного человека. В поисках выхода он вынужден прибегать к еще более простым, то есть грубым решениям. Из мечтателя, каким был во время прихода к власти, он превращается в прораба на стройке, орущего матом на иностранных рабочих, поскольку иного языка те не понимают. Этим он еще больше ослабляет систему, одновременно усложняя ее для себя.

Однажды возникает ситуация, когда буквально все лежит только на его плечах. Теперь правитель представляет собой что-то вроде подпорки. Он планировал ее временной, но судьба так сложилась, что она вынуждена быть постоянной. Теперь это больше не правитель, а администратор. Стоит ему отойти в сторону, все рухнет, похоронив под собой правителя. Он держится из последних сил, понимая: если выпадет из «седла», его оппозиция затопчет.

Вопрос времени, когда нагрузка превысит человеческие возможности. В какой-то момент правитель опустит руки, ибо поймет: от его усилий уже ничего не зависит. Количество запросов, которые система ему посылает для обработки, превышает его силы.

Трагикомичность ситуации в том, что вокруг правителя много прихлебателей и дружков, но все они еще меньше понимают, что такое управление. Никто не говорит об этом прямо, но все понимают: они не являются правителями (поскольку знать не знают, что такое управление государством). Они просто баловни судьбы, и свое место понимают исключительно как кормушку, откуда нужно выжать максимум, пока она не захлопнулась. Пребывание на не своем месте рождает на подкорке страх и чувство незащитности, если ситуация вдруг развернется не в их пользу. Преодолевая этот страх, такая власть с первого дня начинает запасаться материальными активами за пределами системы, правителями которой числится.

Виноват ли случайный правитель в том, что его окружает такая команда? Нет, потому что при идейном вакууме другого состава людей не может быть. С одной стороны, любому человеку, захватившему большой ресурс, нужна для его удержания пропорциональная команда. Если у него есть идея, он собирает единомышленников (как Ленин собирал коммунистов).

Если идеи нет, он собирает личных знакомых, родственников и однокашников, расставляя их на ключевые посты.

Насколько они соответствуют этим постам – второй вопрос. Первый: я их лично и давно знаю. При таком кадровом подходе власть формируется из обычных обывателей с двумя извилинами – где денег взять и на что их потратить.

Подчиненные главного начальника тоже формируют себе команды, и тоже по такому же признаку – из своих. В идеале – если свои не воруют (бонусы в конце года им дает шеф). На практике однокашники не довольствуются бонусами. Очень скоро они осваиваются, выказывая растущие аппетиты и претензии на большую самостоятельность. У тех, кто далеко продвинулся по иерархичной лестнице, появляются мысль при счастливом стечении обстоятельств шефа скинуть. Система постепенно превращается в придворную грызню, где все воюют против всех.

Идеологический вакуум не оставляет современному правителю шанса вести иную кадровую политику. Концентрация во власти «родственников» (по масштабу и глубине мышления не отличающихся от среднестатистических обывателей) создает специфическую атмосферу. Они по умолчанию понимают власть разновидностью коммерции и иного не могут помыслить. Зачем власть? Ну это же так очевидно – чтобы украсть. Даже школьники сегодня это знают. Что уж про взрослых говорить.

Российская демократия является феодализмом, но странным. В этой системе личный успех прямо пропорционален близости к власти. Чем ближе к правителю – тем больше у вас ресурса. Чем вы дальше от первого лица – тем ресурса у вас меньше.

При классическом варианте близость к первой фигуре определяла степень родства, потом заслуги перед государством, и на последнем месте – личное знакомство. При российском феодализме все определяет степень личного знакомства с властью.

Классического феодала окружали как слабые фигуры (родственники и знакомые), так и сильные (заслужившие свой статус делами). Сильные уравнивали слабых, что позволяло сохранять конструкцию в относительно устойчивом положении. Современного феодала окружают только личные знакомые, так или иначе попавшие в поле его зрения. Они не имели возможности сделать большие дела, по которым был бы виден уровень их адекватности. Чтобы делать большие дела, нужна большая идея. Никакой идеи у них нет.

В условиях безыдейности люди могут проявиться только в умении вести бюрократическую борьбу.

Безусловно, это требует определенных талантов, но когда власть формируется только по этому признаку, общество обречено.

* * *

Если предположить: первые фигуры понимают глубину происходящего, знают, что без кардинальной трансформации системы им не выжить, как Петру I было не выжить без кардинальной реформы армии, а значит экономики и, в конечном итоге общества, – их знание ничего не меняет. Мало самому понимать. Нужно еще другим так объяснить, чтобы они дали сломать выстроенную ими систему, которая их кормит.

Человек может отказаться от части, чтобы не потерять целое. Например, даст отрезать себе ногу, чтобы сохранить жизнь. С коррупцией и прочими социальными пороками аналогичная ситуация. Главные коррупционеры могут поступиться своими интересами и отказаться от очередной яхты, если распознают опасность потерять все.

Насколько это реально? Ни насколько, нулевая реальность. Большинство ключевых фигур насколько сильны и ловки, настолько и неглубоки. Это люди с местечковым мышлением. Они уверены, все как-нибудь обойдется, а если и нет, то с деньгами спасут себя.

Ничего не остается, кроме как силой проломить сопротивление властных кланов. Но для этого нужна превосходящая сила. Сопротивление одной группировки можно преодолеть, опираясь на другую группировку. Допустим, но что это даст? Вырастет ресурс той группировки, на которую правитель опирается. Но так как единой идеи, которая могла бы выступить объединяющей платформой, нет, внутри привилегированной группировки скоро возникнут противоборствующие группы. И все повторится.

Процесс смены шила на мыло опасен тем, что рождает ситуацию, которая может закончиться падением самого реформатора. Непродолжительную реформаторскую активность очень скоро сменит понимание: не будить лихо, пока оно тихо.

Когда правитель это осознает, он акцентируется на аппаратной эквилибристике, изо всех сил сохраняя систему сдержек и противовесов. В такой ситуации ни о чем, кроме как удержаться в «седле», он думать не может.

Правитель оказывается как бы в жидкой глине. Сначала у него есть свобода действий, но по мере загустения глины ее становится меньше. Когда глина окончательно застывает (эпоха застоя), правитель лишается возможности пошевелиться. Окружение как бы сковывает его. Если даже допустить у него какие-то конструктивные намерения по реформированию системы, все они будут наткаться на интересы группировок.

Его друзья, против совокупности которых он не может пойти, ибо вплетен в сложившуюся систему, могут на словах поддерживать его инициативы по борьбе с коррупцией и прочее, но... не в области своих интересов. Они как бы говорят ему: ты иди наводи порядок там, в другом месте. А у нас не нужно, у нас все отлажено и поделено, правила игры прописаны. Это наша поляна, с которой мы кормимся. Мы тебе поаплодируем за идею, но на этом наш вклад в борьбу с коррупцией (с самими собой) закончится. Потому что наша цель пребывания во власти – пополнение личных закромов и наслаждение жизнью. Вред системе во внимание не принимается. Интересы общества игнорируются.

Единственная реальность, достойная внимания «правителей», – передел ресурса между группировками. Борцы за власть впиваются друг другу в глотку, ничего не видя и не слыша кругом. Сиюминутная победа – высшая цель. Все остальное – ерунда, демагогия, обряд, который непонятно зачем нужен, но на всякий случай его нужно придерживаться (приговорки типа, не мы заводили, не нам отменять).

Правитель понимает: замена одних фигур, ориентированных насиюминутное благо, другими, имеющими точно такие же ориентиры, во-первых, не имеет смысла, во-вторых, невозможна. Глина твердеет, и возникает колосс на глиняных ногах. Однажды от него потребуются не свойственные ему движения. Будучи припертым к стенке, он попытается сделать эти движения, с чего начнется его лавинообразное крушение.

ГЛАВА 8

Про ошибки

Возможно, ум мешает жить. Многие советуют не думать, а просто жить – радоваться солнцу, наслаждаться пением птиц, заботиться о хлебе насущном... О глобальном думать не надо. Зачем, если все до нас давно продумали. Надо просто жить, и будет нам счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.